

Секция 1.1. «История и культура Японии»

Федянина В. А.

к.и.н., доцент, завкафедрой японского языка Институт иностранных языков МГПУ

Женщина и власть в «Гукансё»: японские государыни

В исследовании анализируется история правлений женщин-государынь в древней Японии, представленная в историко-философском трактате «Гукансё:» (ок. 1221) тэндайского монаха Дзиэн (1155–1225). Изучение прецедентов женских правлений в японской истории продолжает оставаться актуальным в современной Японии в связи с вопросами о наследовании трона.

«Гукансё:» является важной вехой в создании истории непрерывной, как утверждает японская традиция, линии одного императорского дома, который правит в Японии с глубокой древности по настоящее время. При описании правлений всех государей (до современных ему) Дзиэн повествует о семи государынях древности: легендарной Дзингу:, Суйко, Ко:гёку (также Саймэй), Дзито:, Гэммэй, Гэнсё:, Ко:кэн (также Сё:току).

В работе характеризуется структура описаний правлений государынь, сравнивается порядок их правлений в «Гукансё:» и в современной традиции императорского дома. Анализируется трактовка правлений государынь, предлагаемая Дзиэном в рамках его исторической теории. Основное внимание в данной работе уделяется тому, как в «Гукансё:» поясняются причины, приведшие к правлению женщин и к исчезновению подобных правлений.

Дзиэн считал, что государыни правили в тот период истории Японии, когда государи осуществляли свою власть при поддержке помощников и (или) регентов. Правление государынь, правивших вместе с подчиненными-помощниками, Дзиэн объясняет неизбежным действием принципов-до:ри: нарушением в «правильной» линии наследования от отца к сыну и в переходе к правлению государей вместе с подчиненными-помощниками. Действие названных принципов до:ри вызвано общим ухудшением калпы и необходимостью максимального приспособления в управлении страной к определенным отрезкам времени.

Щепкин В. В.

к.и.н., ст. научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

Карты как лингва франка ранних российско-японских отношений

На раннюю историю российско-японских отношений (конец XVIII и начало XIX вв.) можно смотреть по-разному: как на безуспешную череду попыток россиян установить торговые отношения с Японией; как на историю соперничества в освоении айских земель и приграничного размежевания; как на пример столкновения цивилизаций и первых опытов межкультурного взаимодействия. Однако при любом подходе нужно помнить, что отношения стран — и тогда, и сейчас — строятся на личных встречах их

представителей, и выяснение того, как проходили эти встречи, дает надежную основу как для истории, так и для будущего. Беседы и переговоры могли вестись тогда на японском, айнском, голландском языках, с российской стороны даже были попытки составлять официальные документы на маньчжурском. Однако, на наш взгляд, был и ещё один универсальный язык, который по праву можно назвать лингва франка ранних российско-японских отношений — это язык карт.

Почти все ранние контакты между русскими и японцами сопровождались взаимным обменом информацией, включая карты, особенно регионов, представлявших обоюдный интерес, то есть северной части Тихого океана. Например, первые русские карты Японии составлены по устным данным японских моряков, потерпевших кораблекрушение на Камчатке, а карты северной части Тихого океана, созданные благодаря экспедициям Беринга, были скопированы японцами во время переговоров с русскими в 1778–1779 гг., что дало начало японской картографии региона. К началу XIX в. как в России, так и в Японии накопилось значительное число карт, созданных или распространившихся благодаря двусторонним отношениям.

Так, в 1809 году в Иркутске местные японцы копировали и переводили карту уже канувшего в лету города Хираидзуми, а в это самое время в домашнем кабинете одного японского чиновника висела карта Иркутска. В своём докладе я хотел бы проследить такие примеры обмена на основе как повествовательных, так и картографических источников, сохранившихся в Японии и России.

Климов В. Ю.

к.и.н., вед. научн. сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)

«Записи о Светоносном правлении [землями варваров] добродетельного Государя» (Кю:мэй ко:ки, 1807 – предисловие, первая и вторая тетради)

Первое упоминание "Записей" в отечественном японоведении относится к началу XX в. и сделано выдающимся исследователем Дмитрием Матвеевичем Позднеевым (1865 - 1937). До наших дней к этому источнику мало обращались. Автором рассматриваемого письменного источника является Хабуто сё:саэмон Масаясу □□□□□□□□ (1752 – 1814). В 1799 г. военное правительство решило установить прямое управление "землями варваров".

Перед Хабуто Масаясу, как сам он пишет в "Кю:мэй ко:ки", военным правительством были поставлены следующие задачи: 1) противостоять продвижению русских по Курильским островам на юг, 2) организовать оборону с помощью постов на случай нападения с севера, 3) приступить к активному экономическому освоению острова Итурупа (Эторофутто: □□□), а также всех "Восточных земель, заселенных варварами" (Хигаси эдзоти □□□□), 4) управлять системой сдачи в аренду мест торговли японцев с айну и рыбного промысла (*басё укэои сэйдо* □□□□□□□□), 5) обеспечить доходы с земель айну, отменив систему сдачи в аренду кланом Мацумаэ японским купцам. Но вскоре, поняв, что реально угрозы со стороны русских не существует, военное правительство вернуло прежнюю систему откупа купцам из центральной части Японии (*басё укэоисэй* □□□□□□□□) в 1813 г.

Об источнике

С 1799 по 1807 г. (11-й год эры Кансэй - 4-й год эры Бунка, □□ 11 □□□□ 4 □) до отставки Хабуто Масаясу из-за нападения Николая Александровича Хвостова (1776 - 1809) и Гавриила Ивановича Давыдова (1784 - 1809) на японские гарнизоны в октябре 1806 г. на Кусюн-котан на Сахалине и в мае 1807 г. в Сяна на Итурупе им было написано девять тетрадей. Из-за отставки работа над рукописью была прервана. Но труд не пропал даром. Благодаря стараниям Тансай Нёсуй (имя также прочитывается и как Дзёсуй) □□□□

(помимо того он известен как Эбико Китидзо:, 榎本 忠雄) в 1854 г. (1-й год эры Ансэй, 安政) им было завершено составление "Записей" и издано под названием "Посмертное издание Записей Светоносного правления [землями варваров] добродетельного Государя" ("Кю:мэй ко:ки ико:", 光圀公御遺言). В издание вошло помимо девяти тетрадей изначального текста 11 тетрадей приложений (фуруку дзю:ити-маки, 附録十一冊), в которые были включены документы не попавшие в девять, а также еще три тетради, в которые разместили бумаги и распоряжения (фуруку иккэн-моно мимаки, 附録三冊), относящиеся к этому времени и к рассматриваемой теме. Кроме того, были изданы еще четыре тетради дополнительных различных записей (фуруку бэцуроку ёммаки, 附録四冊). Таким образом получилось, что письменный источник стал состоять из 27 тетрадей ценной информации. Был издан в 1854 г. Бакуфу столкнулось с серьезной проблемой выбора модели отношений с западными странами. С этой целью поднимаются все архивные дела, дающие возможность обобщить опыт сношений с зарубежными странами с начала правления династии сёгунов Токугава. К примеру, были изданы в многотомной серии "Сводные записи захода иностранных кораблей в японские воды" ("Цу:ко: итиран", 津和野異船入港記録). Работа получила продолжение, и те материалы, которые не вошли в опубликованные тома вышеуказанной серии, были включены в рукописную подборку под названием "Сводные записи захода иностранных кораблей в японские воды. Продолжение" ("Цу:ко: итиран. Дзокусю:" 津和野異船入港記録続編). После свержения бакуфу новое правительство продолжило работу по сбору и систематизации документов, имевших отношение к внешней политике. Таким образом появилась подборка материалов под названием "Цу:син дзэнран" 津和野異船入港記録, позже ее продолжение "Дзоку-цу:син дзэнран" 津和野異船入港記録続編. Все три серии хранятся в архиве Историографического института Токийского университета, написаны по большей части полууставным, иногда отдельные части рукописей уставным письмом. Имеют огромную ценность для исследователей. Большая часть документов из вышеназванных подборок были опубликованы Историографическим институтом в серии "Архивные документы по международным отношениям в последние годы правления военного правительства" ("Бакумацу гайкоку канкэй мондзё" 幕末海外関係文書). На сегодняшний день вышло 58 томов. По-видимому, и о сочинении Хабуто вспомнили по этой причине.

В докладе будут рассматриваться первые две тетради из девяти и предисловие, в котором раскрывается скрытый смысл названия источника. Каждая тетрадь разбита на несколько рубрик-тем.

Толстогузов С. А.

к.и.н., PhD Хиросимский университет (Япония)

Письмо Виллема II: один ответ или два?

В 1844 году голландский король направил в Японию письмо, на которое не получил позитивного ответа. В японской историографии в основном письмо оценивается как месседж, содержащий совет об открытии страны, на который последовал категорический отказ со стороны бакуфу от имени всех членов совета родзю. Необходимо серьезное изучение причин таких достаточно резких действий в условиях, когда в соседнем Китае только что закончилась Опиумная война и существовала вполне реальная опасность нового конфликта.

Японское правительство того времени – бакуфу два раза посылало свой ответ. Первое письмо было вручено человеку, который доставил послание из Голландии, а второе подготовлено через год, когда было составлено еще одно письмо, написанное на позолоченной бумаге, подписанное всеми членами совета родзю. Смысл обоих ответов в конечном счете одинаково негативный. Но письма было два. Можно ли свести их к

одному? И как считать, один ответ или все же два? Насколько существенна разница между ними и что зависит от этого? Ответ на эти вопросы должен опираться на детальное изучение обоих текстов. Оно должно дать ответ по крайней мере на вопрос о том, можно ли просто считать, что ответ был один и даже не упоминать другого. Два объективного понимания позиции бакуфу нужны оба послания, даже при условии, что только одно было подписано членами совета родзю, а другое не имело подписей.

Ответ будет зависеть от подхода к документам. Если мы будем считать, что был дан отказ изменить характер отношений с Голландией, то был один ответ со значительными изменениями в аргументации. Если мы будем считать, что был сделан отказ в «открытии» страны и увеличении количества внешних партнеров Японии, то было два разных ответа, так как в первом ответе эта тема не поднималась.

В первую очередь необходимо ясно ответить на вопрос, какова была цель послания Виллема и на какую просьбу последовал отказ. Это была в первую очередь просьба перевести отношения из торговых в дипломатические или «открыть» страну и отказаться от режима изоляции. В первом послании японской стороны даже не упоминается тема о расширении внешних партнеров, поэтому видится, что основной вопрос при подготовке ответа был изменять или не изменять характер отношений с Голландией. По этому вопросу последовал отрицательный ответ. Он обосновывался нежеланием нарушать законов предков. При этом в первом ответе говорилось, что закон предков – это не запрет иметь контактов с другими странами, а деление на страны с дипломатическими отношениями и странами с торговыми отношениями.

Еще один важный момент – это упоминание некоего письма от китайского императора, на которое был дан отрицательный ответ на основании существования законов предков. Поиск такого письма и материалов его обсуждения мог бы дать интересные результаты, которые многое могут объяснить нюансы позиции бакуфу.

В любом случае необходимо знать, что бакуфу дало два ответа, между которыми были существенные различия. И это не был прямой отказ от изменения политики изоляции.

Абрамова Е. А.

Школа Востоковедения НИУ ВШЭ

Нацумэ Сосэки

как продолжатель традиции рефлексивной прозы в японской литературе

Одно из первых произведений жанра *никки*, «Дневник эфемерной жизни» («Кагэро-никки»), написанный Митицуна-но хаха во второй половине X в., именуется «первой психологической повестью в истории японской литературы» и прототипом «новеллистических дневников» [1]. Был такой дневник и у Мурасаки Сикибу, японской писательницы XI в., известной во всём мире как автор романа «Повесть о Гэндзи». Дневник интересен не только её наблюдениями, но и тем, что уже в XI в. Мурасаки Сикибу признаёт право за каждым человеком быть личностью и отличаться от других [3].

Там же, в глубине дворцовых покоев, не без влияния китайских *бидзи* зародился жанр *дзуйхицу*, название которого буквально переводится «следуя за кистью», и который в западной традиции связывают с понятием эссе. Это «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон, «Записки из кельи» Камо-но Тёмэй, «Записки от скуки» Кэнко-Хоси и т.д. Эти произведения и сейчас поражают западного читателя, прежде всего своим психологизмом, которого европейская литература достигла в прозе только во второй половине XVIII – начале XIX века.

Ещё в студенческие годы крупнейший японский писатель конца XIX века Нацумэ Сосэки перевёл *дзуйхицу* «Записки из кельи» Камо-но Тёмэй на английский язык, а также

написал к нему небольшой комментарий. Интересны размышления писателя по поводу жанра, к которому через несколько лет обратился он сам. Сосэки замечает: «есть третий тип литературной продукции... который, наверное, наиболее правильно назвать «вдохновенными работами» ... честность – это то, что надолго приковывает нас к ним, хотим мы этого, или нет» [4].

Т. Л. Соколова-Делюсина называет *дзуйхицу* «японскими корнями» жанра *хайбун* [2]. Это проза особой структуры, очень лаконичная и чёткая, в ткань которой естественным образом вплетены стихотворения *хайку*. В этом жанре создавали свои произведения знаменитые поэты Мацуо Басё и Кобаяси Исса. В повести «Изголовье из трав» Сосэки восхищается произведениями Басё: «мужчина по имени Басё, переосмыслив в изящном ключе то, как лошадь справляет малую нужду у его изголовья, сложил хайку» [4]. И сама повесть «Изголовье из трав» очень напоминает хайкайные путевые заметки вышеупомянутых классических авторов.

Нацумэ Сосэки также создал немалое количество *никки* и *дзуйхицу*, которые стали доступны широкому кругу читателей только после смерти писателя. В них он следовал творческой манере, в которой видна преемственность древнейшей традиции японской прозы, которую возродил Масаока Сики, наставник Сосэки. Сики принадлежат такие произведения как «Оставлю это кисти» (1884 - 1892) и «Разнообразные записки лежащего на спине» (1901-1902), в которых он стремился, подобно Басё, выработать новый стиль письменного японского языка, близкий к разговорному.

Однако, оставляя сокровенное малой прозе, Сосэки считал, что кроме *дзуйхицу* должны создаваться и другие произведения, «сильные, наполненные самурайским духом реставрации Мэйдзи». Об этом Сосэки писал в письме Судзуки Миэкити от 26 октября 1907 года. «И, хотя проза в стиле *хайбун* даёт отдохновение, писатель должен бороться со своими страхами и болезнями», и сам Сосэки не хотел казаться одним из тех «трусов», которые, «избегая трудностей, сбегают в места покоя» [4].

Литература

1. Горегляд, В. Н. Дневники и эссе в японской литературе X-XIII вв. – Москва : Наука, 1975. – 380 с.
2. Мацуо Басё. Избранная проза /Пер. с яп., предисл. и коммент. Т. Л. Соколовой-Делюсиной. СПб.: Гиперион, 2000. — 288 с.
3. Мурасаки Сикибу. Дневник / Пер. с япон., предисл. и комм. А. М. Мещерякова. — СПб. : Гиперион, 1997. — 178 с.
4. Цит. по Sōseki zenshū. Tōkyō : Iwanami Shoten, 1993-1999.

Ерофеева Н. А.

преподаватель, Центр ВКИЯ

Педагогическое наследие архиепископа Николая Японского и Сергея Александровича Рачинского

Рассматривая основные педагогические принципы святителя Николая Японского, анализируя его плодотворную практическую деятельность по устройству образовательных учреждений и отделов Миссии, можно сказать, что он является создателем уникальной методики по воспитанию всесторонне развитой личности в иной культурной среде. Сам архиепископ Николай никогда не являлся педагогом по образованию, но вся его жизнь, деятельность, огромные знания и эрудиция, душевный такт и глубокое понимание человеческой души показывают, что он был педагогом и воспитателем по призванию.

Большое влияние на педагогическую деятельность Николая Японского оказала дружба и общение с земляком С.А.Рачинским профессором Московского университета, педагогом-просветителем, создателем народной школы на своей малой родине.

Методика «целостного воспитания личности» С.А.Рачинского (восприятие Церкви и школы как единого целого) прослеживается и в педагогической деятельности равноапостольного Николая Японского.

Малашевская М. Н.

к.и.н., доцент СпбГУ (Санкт-Петербург)

Советско-японские культурные связи в 1960-е гг.: Ясуси Иноуэ открывает советскую Евразию

В докладе будет затронут узкий вопрос, касающийся культурного взаимодействия между СССР и Японией на материале повести писателя Иноуэ Ясуси «Сэйики моногатари» (Повесть о Западном крае), написанной в результате двух поездок в советскую Центральную Азию в 1965 и 1968 гг. Первая поездка прозаика в советскую Центральную Азию состоялась в мае-июне 1965 г., он посетил Узбекскую ССР, Таджикскую ССР и Туркменскую ССР. Во время второго путешествия в мае-июне 1968 г. писатель побывал в Европейской части СССР (Москва, Ленинград, Киев) и в Узбекской ССР (Ташкент, Ферганская долина).

Тексты Иноуэ Ясуси конструируют образ малодоступной для японцев в то время советской Центральной Азии, формируя культурно-интеллектуальную связь между советским и японским народами. Базовые компоненты образа Евразии в «Сэйики моногатари»: природа - пустыни, горы, реки и озера Евразии, формирующих эстетику культуры народом региона местных этносов; движение народов, изменения их культуры и экономики, напрямую зависящих от природно-географических условий; мирное взаимодействие путем торговли.

Города пустынь и торговля на Великом шелковом пути оформили хозяйственно-экономические особенности евразийских народов и их непрерывного взаимодействия посредством торговой коммуникации. Влияние оседло-земледельческих китайской и российской цивилизации оказали влияние на сложившийся порядок, хотя критика социалистической системы в текстах Иноуэ отсутствует. В результате посещения советской Центральной Азии прозаик создал оригинальный образ региона-музея, базовыми элементами которого являются природа и история. Акцент делается на прошлом, а не на современном положении дел, таким путем писатель делает попытку выявить «сущность Западного края», характеризующейся именно уникальным историческим развитием в качестве региона, соединяющего Восток и Запад, и ставшем площадкой для смешения народов и культур со своеобразной нерусской культурой. Так, японскому читателю представлена уникальная в своем многообразии советская культура.

Секция 1.2. «Малоизвестные страницы истории российско-японских отношений».

Гришачев С. В.

к.и.н., доцент Школы востоковедения НИУ ВШЭ

Престарелый нарратив российско-японских отношений

В общественном сознании России существует упрощенное представление о российско-японских отношениях в XX в., которое сводится к информации о крейсере «Варяг», пограничным конфликтам к. 1930-х гг. и разработках химического оружия в лабораториях Квантунской армии, которые удалось ликвидировать в ходе советского наступления в Маньчжурии в 1945 г.

Однако история двусторонних отношений куда как более разнообразна и удивительна, она состоит отнюдь не только из противоборства и конфликтов, но и из моментов сближения, а порой и неожиданных случаев взаимодействия.

В докладе речь пойдет, во-первых, о причинах и особенностях формирования устоявшегося нарратива. Будет предпринята попытка объяснить, почему в массовом сознании закрепился именно такой, а не иной имидж двусторонних отношений.

Во-вторых, будут перечислены эпизоды из этих отношений, которые выпали из нарратива, причем некоторые из них не просто выпали, а были осознанно и намеренно удалены, а память о них была стерта. Между тем, именно эти события и составляют подчас суть двусторонних отношений между нашими двумя странами.

Усманова Л. Р.

к.п.н., PhD, Российский Государственный Гуманитарный Университет

История спасения команды корабля «Иртыш» в период Русско-японской войны

История спасения экипажа. Сохранение памяти об этом событии в японском городе Гоцу (преф. Симанэ). История создания документального фильма о транспорте «Иртыш» в 2021 году.

Саркисов К. О.

к.и.н., вед. науч. сотр. Института Востоковедения РАН

Японо-советские отношения:

**от Халхин-Гола к договору о ненападении 1939–1939 г., начало пути
конспект**

Кульнева П. В.

к.э.н., науч. сотрудник Института Востоковедения РАН

Политические факторы трансформации исторической памяти (на примере японо-китайских отношений)

В последние десятилетия в японо-китайских отношениях заметно обострились проблемы, связанные с историческим прошлым. Болезненную реакцию вызывают в КНР визиты государственных лидеров Японии в храм Ясукуни, который связан с участием Японии в прошлых войнах; предметом двусторонних конфликтов является освещение военных событий в учебниках истории, СМИ, кинематографе и т.п., а также суверенитет над островами Сэнкаку / Дяюйдао – еще одна проблема, оставшаяся после войны.

Примечательно, что в первые послевоенные десятилетия упомянутые проблемы не вызывали в Китае столь ярко выраженной негативной реакции. Более того, в риторике китайского руководства в 1950-60-е гг. преобладал тезис о положительной роли японского вторжения в победе коммунистов и об ответственности за военные злодеяния не Японии в целом, а группы пришедших к власти милитаристов. Такая позиция была обусловлена внешнеполитической конъюнктурой, а именно – желанием «Нового Китая» получить признание мирового сообщества и добиться изоляции Тайваня.

Важным этапом трансформации исторической памяти в КНР стала политика «реформ и открытости», которая потребовала новой идеологической базы для сплочения китайского народа и укрепления позиций КПК. Удобным средством для этого стала отсылка к войне сопротивления японским захватчикам. С тех пор наблюдается смена риторики, связанной с войной, и вопросы исторической памяти всё чаще поднимаются на государственном уровне.

В 1980-е и 1990-е гг. в разных городах КНР были созданы памятники и музеи, связанные с войной. В начале 1990-х гг. Цзян Цзэминь развернул масштабную кампанию патриотического образования, акцентирующей внимание на героизме в китайской истории и возрождении китайской нации после «века унижений». На протяжении последних десятилетий курс на патриотическое воспитание сохранялся, хотя его акценты менялись с учетом новых политических ориентиров руководства страны.

При Си Цзиньпине память о японских преступлениях, жертвах китайского народа и его победе в войне с Японией продолжает активно использоваться как одна из идеологических основ для укрепления режима. Об этом говорит введение в 2014 г. государственного траура по жертвам Нанкинской резни. Однако несмотря на то, что в первые несколько лет Си Цзиньпин лично посещал Нанкин в памятный день 13 декабря, после 2017 г. (когда было отмечено 80-летие событий в Нанкине) он перестал приезжать на траурные мероприятия лично. Это может быть связано с повышением ценности отношений КНР с Японией на фоне ухудшения отношений с США.

Усиление акцентов в восприятии событий военного прошлого в КНР, проявление этой тенденции в заявлениях китайских политиков и отношении китайского общества к стране-соседу вызывает негативную реакцию и в Японии, где историческая память также подверглась определенной трансформации.

Нелидов В. В.

к.и.н., доцент МГИМО Университета

Проблемы исторической памяти в российско-японских отношениях: причины и последствия

Традиционно в качестве центрального вопроса российско-японских отношений и главного препятствия на пути их развития называется проблема отсутствия мирного договора. Однако это далеко не единственное такое препятствие, и более внимательный взгляд на современное состояние и недавнее прошлое связей Москвы и Токио позволяет выделить целый ряд подобных сдерживающих факторов внутривосточного, экономического, международно-политического характера. Одним из таких факторов, оказывающих негативное влияние на отношения двух стран, оказывается проблема исторической памяти. При этом ее активное использование и инструментализация осуществляются как японской, так и российской стороной.

В частности, в последние годы Москва делает особенно значительный акцент на роли СССР в победе над Японией, что, очевидно, является способом делегитимизации японских территориальных претензий, а требования «признания итогов Второй мировой войны» выдвигаются как неперемное условие обсуждения проблемы территориального

размежевания. Еще один характерный для советской и российской политики в отношении Японии тезис – подчеркивание ответственности США за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, что, вероятно, призвано «вбить клин» между Японией и ее главным военно-политическим союзником.

Впрочем, к сожалению для отечественной дипломатии, этот тезис далеко не всегда находит ту реакцию в японском обществе, на которую она рассчитывает. Представляется, что, с учетом сказанного выше, понимание реальной позиции японского общества по тем или иным вопросам исторического прошлого оказывается задачей, важной не только с научной, но и с практической точки зрения.

Кириченко М. А.

старший преподаватель

Кафедра восточных языков, Дипломатическая академия МИД РФ

**Интернет-музей «Россия в Японии»
и цикл сборников «30 уникальных лиц Японии и России.
Люди, внесшие большой вклад в налаживание культурных обменов и
взаимопонимания между двумя странами».**

В 2014, 2017, 2019 и 2021 г. под редакцией Ответственного секретаря оргкомитета Фестиваля российской культуры в Японии Нагацука Хидэо вышло 4 сборника из серии «30 уникальных лиц Японии и России. Люди, внесшие большой вклад в налаживание культурных обменов и взаимопонимания между двумя странами». Героями 4-х сборников «30 лиц», стало 120 русских и японцев (а также их окружение), среди которых – политики и дипломаты, предприниматели и врачи, педагоги и деятели культуры – те, благодаря которым зародились и развивались российско-японские отношения, а также сохранилась дружба и взаимный интерес японцев и россиян в сложной и меняющейся геополитической обстановке.

Авторы статей очень серьёзно и ответственно подошли к описанию жизни своих героев, обращаясь к архивным данным, письмам и научным статьям, посещая их родину и беседуя с местными жителями, знакомыми и родственниками. А уникальные фотографии, которые многие авторы предоставили из своих альбомов, дополнили и оживили материал. Следовательно, содержание статей можно считать качественной информацией, которую можно было бы смело рекомендовать молодому поколению японоведов и широкому кругу интересующихся.

А в апреле 2021 г. открылся онлайн-музей «Россия в Японии», который содержит фото-, видео- и текстовую информацию о памятных объектах на всей территории Японии, связанных с историей российско-японских отношений, большая часть которых сопряжена с деятельностью российской общины в Японии в области политики, экономики, культуры, спорта, медицины и др.

Оба источника являются бесценным материалом о зарождении и развитии различных аспектов российско-японских отношений и о конкретных личностях, повлиявших на историю связей и взаимовлияния России и Японии. К сожалению, книги вышли небольшими тиражами на японском языке и не издавались параллельно на русском языке, как и большая часть информации из онлайн-музея, что затрудняет знакомство с этими материалами даже специалистов. Даже краткий перевод на русский изданий из данной серии и статей интернет-музея мог бы быть чрезвычайно полезен как японоведам, так и простым читателям, которые, имея доступ к огромному количеству сведений и материалов на просторах интернета, часто не имеют возможности выбрать достоверную информацию.

Стрельцов Д. В.

д.и.н., профессор, МГИМО Университет

**Японские военнопленные русско-японской войны
в Аракчеевских казармах Новгородской губернии**

КОНСПЕКТ